

Подъясние казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта*

Алевтина Сафронова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

State Factory Clerks in the Urals in the Petrine Era: Recruitment and Working and Living Conditions

Alevtina Safronova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Clerks working at state plants of the Urals during the 1720s constituted a social stratum. The number of clerks was growing considerably due to the intensive construction of plants, the opening of several plants a year, the rapidly expanding system of management bodies of the mining department, and the increase in the flow of documentation. One of the peculiarities of the formation of the corps of clerks in the mining department was extensive regulation of their behaviour and working activities. Vasily Tatishchev did it through his orders to the factory commissar in 1721 and 1723, which revealed his talent as an administrator. Referring to these documents and archival sources, the author conducts a comprehensive examination of the position of Ural clerks in the 1720s describing their number, the difficulties of forming their staff, working hours, salaries, the system of punishment, living conditions, and other components of their everyday life. The author demonstrates that the clerks' workload grew constantly as specialists were scarce while the number of documents increased. Plants had difficulty replenishing their staff as province and uyezd civil institutions refused to share their specialists with mining administrations. The author concludes that working conditions for clerks kept deteriorating drastically as higher and central bodies demanded that they draw up and send reports on the operation of the

* *Citation*: Safronova, A. (2022). State Factory Clerks in the Urals in the Petrine Era: Recruitment and Working and Living Conditions. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 976–990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712.

Цитирование: Сафронова А. State Factory Clerks in the Urals in the Petrine Era: Recruitment and Working and Living Conditions // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 976–990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712 / Сафронова А. Подъясние казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 976–990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712.

plants, introduction of plants of new kinds, forms, and changes in the dispatch times. Finally, the author characterises instances of pay checkages caused by the clerks' inability to draw up reports on time. Also, they were at times deprived of half of their payments or kept under surveillance and chained until they completed urgent work.

Keywords: Urals, state plants, clerks, daily life, salary, working hours

Подьячие, трудившиеся на казенных заводах Урала в течение 1720-х гг., составляли особую социальную страту. Интенсивное строительство заводов, вводимых в строй по нескольку в год, быстро разраставшаяся система органов управления горного ведомства, увеличение потока самой документации требовали все большего количества канцелярских служащих. В качестве особенностей формирования корпуса подьячих горного ведомства можно выделить широкую регламентацию их поведения и служебной деятельности В. Н. Татищевым в наказах заводскому комиссару 1721 и 1723 гг., в чем проявился его особый талант как администратора. На основе анализа этих документов и архивных источников в статье впервые предпринимается попытка комплексного изучения положения уральских подьячих в 1720-е гг.: их численности, трудностей формирования их состава, продолжительности рабочего дня, размеров оплаты труда, системы наказаний, жилищных условий и других составляющих их повседневной жизни. Раскрывается все возрастающая интенсификация труда подьячих горного ведомства ввиду хронического недостатка нужного числа специалистов, увеличения объемов самой документации и сложностей с пополнением их состава из-за отказов губернских, провинциальных, уездных гражданских органов поделиться своими кадрами с органами управления горного ведомства. Делается вывод об усилении экстремальных условий труда подьячих из-за постоянных требований со стороны высших и центральных органов о составлении и присылке тех или иных отчетных документов о деятельности заводов, введении их новых разновидностей, форм, об изменениях сроков отправки продукции. Характеризуется практика удержания жалованья у подьячих ввиду несоставления в срок ведомостей для отсылки в центр, выдачи им половинного жалованья, содержания под караулом скованными до окончания срочной работы.

Ключевые слова: Урал, казенные заводы, подьячие, повседневность, оплата труда, продолжительность рабочего времени

В 1720 г. капитан В. Н. Татищев, возглавивший экспедицию на Урал для строительства заводов и поиска руд, по собственной инициативе сразу же по прибытии создал местный орган управления казенными заводами – Канцелярию горных дел в Кунгуре (1720), Сибирское горное начальство в Уктусе (январь 1722), в марте переименованное в Сибирское вышнее начальство. После назначения В. И. Геннина главой заводов постепенно утвердилось новое название – Сибир-

ский обер-бергамт. Это было первое управление горного ведомства, созданное на региональном уровне в России и ведавшее Уктусским, Алапаевским, а с 1723 г. Каменским заводами. Быстрыми темпами вводились в строй новые предприятия: в 1723 г. – Екатеринбургский, Егошихинский, Пыскорский, Лялинский заводы, в 1724 г. – Полевской и Синячихинский, в 1725 г. – Верхне-Уктусский (Елизаветинский), в 1726 г. – Верх-Исетский, в 1733 г. – Сысертский (императрицы Анны). При них создавались свои конторы во главе с управителями, начали действовать Земская контора в Екатеринбурге и четыре земских конторы, возглавлявшие дистрикты – Арамилский, Каменский, Камышловский и Невьянский, ведавшие тысячами приписных к заводам крестьян, обрабатывавших подушную подать. Весь этот разраставшийся и не раз перестраивавшийся аппарат обслуживали десятки, а в начале 1730-х гг. уже более сотни подъячих, не считая служителей земских контор.

Вопросы организации управления заводами 1720-х гг. затрагивались многими историками, но только отдельные авторы коснулись проблем обеспечения системы органов управления кадрами подъячих, их жалованья. Наиболее фундаментальные данные об источниках формирования кадров подъячих канцелярий губернского, провинциального уровня и горнозаводского ведомства на Урале в первой четверти XVIII в. приведены в монографии Д. А. Редина, в ней раскрыта борьба за квалифицированных работников между ними, затронут вопрос об оплате жалованья и сделан вывод: «Чудовищные “ножницы” между объемом делопроизводства и скудным канцелярским потенциалом – одна из главных проблем, влиявших на качество управления в Петровскую эпоху» [Редин, с. 480–484, 455, 440].

Э. А. Пензин привел сведения о числе подъячих в повятях Сибирского обер-бергамта в 1727, 1729 гг., фамилии подъячих, возглавлявших их, данные о длительности их рабочего дня, типовых размерах жалованья на 1729 г., сопоставил число служащих Сибирского обер-бергамта и коллегий (82 чел. против 50–60 в штате центральных органов управления) [Пензин, 1976, с. 136, 138; Пензин, 1986, с. 116–118]. Мы показали широкое использование выпускников школ в качестве копиистов, писцов, особенности оплаты их труда, затронули вопрос об источниках формирования корпуса подъячих горного ведомства в первой трети XVIII в. [Сафронова, 2015; Сафронова, 2020]. М. А. Киселев раскрыл историю строительства дома уктусским подъячим А. И. Гобовым и источники его доходов [Киселев]. Некоторые интересные факты, касающиеся подъячих, привел Н. С. Корепанов [Корепанов, с. 166, 221, 259].

Поскольку складывавшаяся с 1720 г. система регионально-отраслевого управления на Урале являлась уникальной для России, особое значение приобретает изучение корпуса подъячих, обслуживавших эту систему. Важно представлять темпы роста численности подъячих на горнозаводском Урале, регламентацию их деятельности,

источники комплектования, размеры жалованья, длительность рабочего дня, степень интенсификации труда, условия жизни. Все эти вопросы являются предметом нашей статьи, первой, посвященной подьячим 1720-х гг. – периода формирования системы управления казенными заводами.

Источниками работы послужили Генеральный регламент 1720 г., указы Берг-коллегии, указы заводским комиссарам 1721 и 1723 гг., регламентировавшие и труд подьячих, заводские штаты, таблицы приказных служителей, протоколы заседаний Сибирского обер-бергамта, просматривавшиеся полистно, доношения начальников заводов В. Н. Татищева и В. И. Геннина в центр.

Генеральный регламент, подписанный Петром I в феврале 1720 г., наряду с введением нового порядка делопроизводства в учреждениях ввел и новые названия должностей служащих канцелярий и контор: вместо старого, среднего, молодого подьячего – секретарь, нотариус, переводчик, актуариус, регистратор, канцелярист, копиист. Были расписаны и их обязанности [ПСЗ-1, т. 6, № 3534]. В. Н. Татищев получил перед отъездом на Урал десять экземпляров этого законодательного акта и успешно внедрял его нормы одновременно с коллегиями, но новые названия должностей канцелярских служащих, как будет показано ниже, были окончательно введены лишь в 1729 г. Это неудивительно: термин «подьячие» употреблялся в законодательстве России вплоть до середины XVIII в.¹

Прежде всего рассмотрим то, как работа подьячих регламентировалась местными нормативными актами, первыми из которых стали указы заводскому комиссару, разработанные Татищевым в 1721 и 1723 гг. В них целый ряд норм касался организации деятельности подьячих, их статуса, повседневной жизни. В удаленном от центра регионе нужда в грамотных людях была особенно острой, и подьячие представляли для горной власти особо ценную категорию населения. Согласно наказу 1721 г. их, как и мастеров, комиссару запрещалось наказывать батогами, решать вопрос о наказаниях должно было Горное начальство. Лишь во время отъезда начальства подьячего могли наказать сообща комиссар, казначей и шихтмейстер, если из-за его пьянства «явится остановка» в делах, – заковав «в железа», заставить отработать за день пьянства три дня без жалованья. За «малые преступления» разрешалось «наказывать железами, работою принужденною и малым вычетом денег» [Татищев, с. 54].

Подьячего, уличенного в воровстве писем или припасов, предписывалось посадить под караул и донести начальству, «ибо такая великого наказания подлежат». Преступлением по должности считалось взимание платы «с кого за работу за государево дело» или затягивание подготовки документа к слушанию. Наказом 1721 г. подьячим запрещалось править текст путем «чернения и чищения», полагалось

¹ См. «Реестр алфавитный»: [ПСЗ-1, т. 42, ч. 1, с. 871–872].

вставить пропущенное слово, и за подобные описки полагался штраф 5 коп., «дабы более хранились» [Татищев, с. 54].

Новым наказом заводскому комиссару 1723 г. расширялся перечень их наказаний. За пьянство и леность старые подьячие подлежали наказанию «железами и цепью или вычетом жалованья вдвое»; средним подьячим полагалось «кованье и большое держанье за караулом или заводская работа несколько дней»; молодых разрешалось наказывать «кованьем, тяжкою работою, вычетом дневным жалованья и батогами, или по неколику часов приковав у столба в гулящей день» [Там же, с. 70, 72].

Если подьячим предоставлялось казенное жилье, они обязывались содержать его в порядке, чистоте, «починивать». В противном случае предписывалось «оных из двора высылать и велеть... построить свой двор или тот же починить ис казны», вычтя затраты на это из жалованья. Примечательно, что при размещении чужих людей на постой полагалось использовать квартиры заводских учеников, работников, подмастерьев, мастеровых и «напоследок подьяческих», то есть в этом отношении они имели определенную привилегию. В поездках «для государева дела» подьячим разрешалось брать по одной подводке, на расстояния ближе 24 верст ездить «на своих лошадях», использование казенных лошадей для личных поездок возмещать «вчетверо» [Там же, с. 73–74, 94].

В четырех специальных статьях наказа 1723 г. излагались меры борьбы с пьянством: комиссару надлежало надзирать, чтоб подьячим и мастеровым «в корчмах во время работное до пьяна пить не давали», просьбы налить еще предписывалось «не слушать», если кто захочет «с собою взять, оным давать в дома не больше, как на 6 копеек, а пьяному отнюдь не продавать под штрафом за прогул упившегося дневной зарплаты». Запрещалось «приказным и ремесленным людям пиво, медов и вин в домех... варить под потеряннем на месяц жалованья», поскольку, наварив, они «отстать не хотят, пока всего не выпьют». Лишь управителям и старым подьячим «пива, меду, вотку простое и табак в доме держать и позволяетца, однакож отнюдь не продавать» [Там же, с. 90].

Новый наказ усиливал наказание за пьянство: за приход подьячего или мастерового «к своему делу» пьяным в первый раз полагался вычет из жалованья за два дня, во второй раз – за четыре, за третий приход в течение недели предписывалось на месяц жалованья лишить «и жестоко наказать». За порчу имущества в пьяном виде, «хотя малое что повредит», жалованье понижалось на «степень или две». Вводилось и наказание за непристойное поведение в пьяном виде в общественном месте: если «будет по улице кричать, песни петь, сквернословить или упадет на улице, уснет, оных за первой раз заставляя работать безденежно в железах два, за другой раз – четыре, за третьей – шесть дней»; заработанные деньги «против катаржных», по 3 коп. в день, записывать на богадельню [Там же, с. 91].

Генеральный регламент не устанавливал норм рабочего времени подьячих. При казенных заводах Урала эти нормы были введены наказом 1723 г., причем они дифференцировались в соответствии со временем года. По сути, подьячие, как и мастеровые, должны были трудиться от темна до темна. Летом, с середины мая по август – 14 часов (с четырех утра до восьми вечера, обед – с 11 до часу дня); зимой, с середины ноября до середины февраля, рабочий день длился десять часов (с семи утра до шести вечера, перерыв с 11 до 12 часов). Весной и осенью полагался 12-часовой рабочий день (с шести утра до семи вечера, перерыв с 11 до 12). Правда, было и 37 праздничных дней, в том числе пять светских (Новый год, рождение императора Петра I, его коронавание, тезоименитство его и императрицы), остальные праздники – религиозные [Татищев, с. 80–81]. Нам неизвестен другой пример специальной регламентации работы подьячих на местах в первой четверти XVIII в.

Как показал Д. А. Редин в своем исследовании, комплектование канцелярских работников ведомственных учреждений в целом проводилось «по единой схеме – за счет перевода подьячих из канцелярий общего управления в канцелярии специального управления». Без этого не могло поначалу обойтись и горное ведомство, с 1720-х гг. оно единственное начало «подготовку собственных канцелярских кадров через специальную систему образования» [Редин, с. 425, 427, 429]. Но выпускники школ годились для заполнения мест писчиков, а опытных работников можно было заполучить лишь из губернских, уездных, провинциальных или городских учреждений. В «Табели служителей Сибирского горного высшего начальства с их оклады», отправленной в центр в ноябре 1723 г., в отношении нескольких подьячих указывалось, откуда они взяты: подьячий Петр Клушин, подканцелярист Берг-коллегии, прибыл с Татищевым в 1720 г.; «молодые» Феоктист Кузнецов и Никита Седачев – «из здешних», Яков Мещеряков – «из солдат»; «средний» подьячий конторы Екатеринбургского завода Евдоким Костромин был «взят с Кунгура», писчик Трофим Попов – «из школы» [Геннин, 1995, с. 162, 163]. Всего в Табели начальства числилось 20 подьячих и 11 писчиков, но отсутствовали данные с Пысгора и от советника М. Михаэлиса; при Земской конторе и дистриктах Арамилском, Алапаевском, Каменском, Камышловском и Невьянском трудилось 16 делопроизводителей. При этом отмечалось: «В дополнение по крайней мере потребно»: секретарь, двое старых подьячих, по 4 средних и молодых» [Там же, с. 160–166]. Таким образом, уже в ноябре 1723 г. в горном ведомстве имелось около 50 подьячих и требовалось еще 11.

Согласно первым заводским штатам, разработанным в ноябре же 1723 г. и отправленным в Берг-коллегию, при пяти заводах (Екатеринбургском, Уктусском, Лялинском, Пысгорском и Егошихинском) только у обслуживания плавильных печей полагалось иметь 16 подьячих, в Горном начальстве и заводских конторах, включая Чусовскую

пристань, числилось 45 подьячих. О подьячих земских органов делалась отсылка к первой табели, по которой их насчитывалось 16, с оговоркой «по которой надлежит впредь быть» [Геннин, 1995, с. 167–192].

Горные власти указами именными, Сената, Берг-коллегии получили право требовать подьячих от губерний и провинций и пользовались этим правом, по сути, ежегодно: просили присылки их из канцелярии Сибирской губернии, канцелярий Тобольской, Вятской, Соликамской провинций, из Верхотурья, из магистрата Вятки, причем зачастую требовали прислать конкретных людей, в том числе ссыльных, но чаще всего получали отказы. Так, в 1723 г. из канцелярии Соли Камской ответили, что у них «подьячих самое малое число, а дел множество», и из-за затягивания сроков решения дел «на управителях правят штрафы немалыя» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 60]. Часть подьячих направлялась на заводы на определенный срок и должна была заменяться другими, и в этих случаях провинциальные власти затягивали обмен. Отметим, что указом Берг-коллегии от 14 февраля 1726 г., полученным 14 апреля, все подьячие, включенные в список обер-бергамтом, были освобождены от уплаты подушного оклада [Там же. Оп. 12. Д. 193. Л. 108], что имело немаловажное значение для закрепления опытных подьячих в составе горного ведомства. Но споры между органами гражданской власти и горным ведомством в отношении подьячих продолжались на протяжении 1720-х гг., горные власти жаловались в Берг-коллегию, апеллировали и непосредственно к императорской власти [см. об этом: Сафронова, 2020, с. 355–361].

Порой горному ведомству отправляли подьячих далеко не лучших. Так, Г. Беляев трудился копиистом на заводе цесаревны Елизаветы с августа 1727 г. по сентябрь 1729 г., а потом «за старостию, и болезнию, и за необычностью быть негоден», пять лет провел не у дел, только в 1734 г. был отпущен к родным в Москву [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 261–261 об.]. Не случайно в январе 1727 г. Геннин просил Екатерину I прислать «до 12 человек подьячих трезвых, понеже в том состоит самая при заводах нужда, а взят их негде, и отсюда в том отказано» [Геннин, 1995, с. 386]. Канцелярских служителей постоянно не хватало, хотя в 1732 г. Геннин сообщал Берг-коллегии: «у всех горных и заводских дел подьячих имеется со 130 человек» [Корепанов, с. 221].

Согласно Табели 1723 г., самое высокое жалованье среди приказных имел подканцелярист Петр Клушин – 60 руб., средние подьячие – 24 руб., молодые – 18 руб., писчики – 12 руб. в год (с учетом хлебного). При заводской конторе один из писчиков «из школы» имел лишь 9 руб. На Алапаевском заводе жалованье у молодого подьячего было 9 руб., а у писчика – 8 руб.; на Каменском же писчик имел 10 руб. На Егошихинском заводе средний и молодой подьячие получали по 15 руб., два писчика – по 10 руб. На Лялинском заводе и Чусовской пристани числилось по одному подьячему с окладами 18

и 15 руб. [Геннин, 1995, с. 162–165]. Таким образом, оплата труда подьячих дифференцировалась не только в соответствии с должностью, но и в зависимости от объема документирования: на заводах, где объем выполняемых дел был меньше, ниже была и оплата труда. Среди служащих земских контор более высокие оклады были положены приказным Екатеринбургской земской конторы: у писаря – 45 руб., у среднего подьячего – 24, у молодого – 18, у писчика – 12 руб. В каждом из четырех дистриктов числилось по трое служителей – средней руки, молодой и писчик – с жалованьем по 12, 9 и 7 руб. 50 коп. соответственно [Там же, с. 164–165].

Но, как свидетельствуют документы, жалованье при новых назначениях против штатов 1723 г. нередко уменьшалось. Так, среднему подьячему Аистову в обер-бергамте, как и другому, переведенному из заводской конторы, дали 20 руб. вместо 24; писчику, подьяческому сыну Петрову – оклад «вполь» 6 руб. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 67 об.] Особенно экономии на школьниках. Выпускники первых арифметических школ горнозаводского Урала – Уктусской (1721–1724), Кунгурской (1721–1725), Екатеринбургской (с 1724 г.) – в качестве писчиков получали оклады гораздо меньшие². При новом Егошинском заводе в 1724 г. за писчика в канцелярии числился Леонтей Попов, в плавильне – Осип Хлопин из кунгурских, жалованье на обоих – 18 руб. в год [Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 114–115]. Согласно Табели 1726 г., в конторе Екатеринбургского завода трудился за среднего молодой подьячий Трифон Попов из школьников, «церковного дьячка сын», с окладом 18 руб. вместо 30; молодыми подьячими с теми же окладами были Петр Зверев «из вяцких подьячих» и Федор Аистов «ис каменных мастерских детей» [Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–39].

В сентябре 1726 г. в Уктусскую контору был отправлен школьник Гаврила Токарев, но только в марте 1727 г. она поставила перед обер-бергамтом вопрос о жалованье, и ему дали половинное жалованье писчика, 50 коп. в месяц, «понеже он должность действительного подьячева за необыкновением и небытием у таких дел управить еще не может» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 266; Д. 195. Л. 176]. Даже на должность подьячего «к счетам» в Алапаевскую заводскую контору в феврале 1728 г. отправили ученика Ивана Широкого с окладом 6 руб. в год вместо 12 руб. В октябре 1729 г. указом обер-бергамта были определены копиистами «к счетным делам» сразу десять учащихся арифметической школы с жалованьем по 6 руб. в год. В марте 1730 г. трем из них оклады повысили до 12 руб. [Там же. Д. 196. Л. 61 об. – 62; Д. 203. Л. 132 об.; Д. 205. Л. 355].

Новые названия должностей канцелярских служащих, введенные Генеральным регламентом 1720 г., на горнозаводском Урале официально утвердились «Штатом о приказных служителях» от 15 июля

² Для подьячих важно было знание чисел, умение считать, поэтому из словесных школ к письменным делам не распределяли.

1729 г.: это секретарь, протоколист, канцелярист, подканцелярист, копиист [ГАСО. Д. 13. Л. 1а – 12]. Правда, из центра прибыли в начале 1720-х гг. при новых должностях подканцелярист Берг-коллегии Петр Клушин и секретарь Матвей Ловзин; в 1725 г. подьячий обер-бергамта Феоктист Кузнецов стал канцеляристом, а с января 1728 г., после смерти Ловзина, секретарем; в 1727 г. подписывал документы как подканцелярист Иван Аистов [Геннин, 1995, с. 121, 162, 418; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 67. Л. 1; Пензин, 1986, с. 118]. Штат о приказных служителях разрабатывался на основе указа Сената, объявленного Геннину указом Берг-коллегии от 18 сентября 1728 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 34. Л. 120], видимо, поэтому он и отличался новизной и представлял собой самостоятельный документ. Штат разрабатывали члены обер-бергамта А. Томилов и С. Неелов, но дальнейшая судьба этого документа нам пока не известна.

В штате 1729 г. не только фигурируют новые названия должностей приказных при всех заводах и конторах дистриктов, но и приводятся подсчеты должностных окладов: секретарю обер-бергамта – 240 руб. в год, протоколисту – 180, канцеляристу, подканцеляристу и копиисту – 120, 80 и 30 руб. соответственно. На момент составления штатов (согласно графе «Ныне налицо») оклады были другими: у секретаря – 99 руб. 90 коп., у протоколита – 80, у канцеляриста – 30, подканцеляриста – 18, у копиистов – 9, 10, 12 руб. Согласно штату 1733 г., секретарь обер-бергамта получал 120 руб., протоколист – 80, канцелярист – 70, подканцелярист – 35, копиист – 18 руб. [Геннин, 1937, с. 95–97]. Выше этих сумм жалование у канцелярских служителей 1720-х гг. не поднималось.

Д. А. Редин сделал убедительный вывод о том, что «рост численности кадров в значительной мере отставал от роста объемов документооборота, что стало особенно очевидно в период больших реформ 1720-х гг.» [Редин, с. 456; см. также: с. 425, 427, 429]. В условиях постоянной нехватки нужного числа подьячих их работа при казенных заводах на протяжении 20-х гг. XVIII в. расценивалась как срочная и проходила в экстремальных условиях. Другой причиной этого являлись и все возрастающие требования вышестоящих органов, прежде всего Берг-коллегии, о присылке отчетных документов, причем с постоянными нововведениями в отношении их содержания и формы. В 1725 г. все конторы трудились над составлением счетов и рапортов о работе заводов с 1722 г., то есть с момента прибытия на Урал В. И. Генина. Берг-коллегия своим указом от 18 мая 1725 г. запретила давать жалование подьячим до их сочинения [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 159 об.]. В октябре 1725 г. по указу Берг-коллегии и промемории Штатс-конторы начальство распорядилось учитывать выдачу денег «с ясною запискою», Казенной конторе рапортовать в Сибирский обер-бергамт «помесячно краткою табелью», собрать со всех заводов ведомости о размерах прибыли и расходов за 1725 г. и прислать в Берг-коллегию [Там же. Л. 101].

Постепенно устанавливались требования к составлению документов учетного характера по определенной форме. Поэтому Сибирский обер-бергамт дважды требовал от Московского обер-бергамта прислать Морской устав 1720 г. и Адмиралтейский регламент 1722 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 104 об.]. Они прибыли в Екатеринбург, видимо, 19 ноября 1725 г. с Генниным, вернувшимся из столицы, и в этот же день было приказано счетные выписки подготовить по формам Адмиралтейского регламента и о том ко всем «плавильным делам» послать копии. На третий день, 22 ноября, обер-бергамт предписал во все команды послать указы, чтобы сочиняли «с поспешением» и рапортовали помесечно, сколько каких рапортов сделано, на скольких тетрадах, почему еще остаются несочиненные, то есть и местное начальство в целях контроля вносило свою лепту в увеличение потока документации.

В Берг-коллегию документы отправлялись по мере готовности, в зависимости от этого выплачивалось и жалованье. 29 сентября 1725 г. по прошению подьячих обер-бергамта предписывалось выдать им жалованье денежное и хлебное за август и сентябрь, поскольку «годовые репорты о людях сочинены и посланы в коллегию, и поданные репорты ис подчиненных команд с формами освидетельствованы и посланы ж». 17 декабря 1725 г. подобным же образом разрешили выдачу жалованья подьячим у плавильных дел Екатеринбургского и Полевского заводов: счета и рапорты были сочинены по 1724 г., отправлены в Берг-коллегию, копии с них (из-за отсутствия которых жалованье удерживалось) сданы в обер-бергамт [Там же. Л. 88, 153 об.].

24 декабря 1725 г. В. И. Геннин слушал прошение подьячих Евдокима Костромина «с товарищи», 20 человек, которые были «зарестованы в канторах и донныне жалования уже через пять месяцев не получали». Геннин вник в ситуацию, понял, что сочинить счета и рапорты за прошлые годы – задача для них непосильная, «понеже оных служителей имеетца недовольно, из них многие не за обыкновенные ко оным делам». Поэтому он распорядился выдать им денежное жалованье (101 руб. 50 коп.) и хлебное (124 четверти 2 четверика) за 1725 г. «для самой их крайней нужды и для многова труда их во отправлении многих заводских бескорыстных им настоящих и прошедших лет дел, дабы не нанести от самой их нищеты какова повреждения интересу и в настоящих делах от неимения дневной пищи остановки». Но на 1726 г. жалованье приказывалось не давать, пока не будут составлены все требуемые документы [Там же. Л. 159 об.].

Указом Геннину от 8 декабря 1725 г., полученным 28 января 1726 г., Берг-коллегия (во исполнение двух указов Сената, адресованных ей), потребовала дважды в год присылать еще один вид ведомостей – «каким прилежанием заводы и горные дела в совершенство приходят, и что, где, в какое время размножено». Обер-бергамт предписал под-

чиненным командам сочинять и слать такие ведомости в Екатеринбург в мае и ноябре, чтобы успеть в срок отправить в Берг-коллегию. В феврале 1726 г. заслушивался указ Берг-коллегии от 16 ноября 1725 г. о содержании приходо-расходных книг зашнурованных, за печатями, «с вырезным алфавитом». Указом от 17 февраля 1726 г. Берг-коллегия, получив очередные доношения Геннина, адресованные Кабинету Е. и. в., Сенату и коллегии, ввела требование «впредь о присылке доношениям краткого реестра» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 31 об., 55, 106 об. – 107]. В марте 1726 г. Тобольская земская контора, в свою очередь, затребовала от Сибирского обер-бергамта немедленной присылки ведомости о престарелых, увечных и малолетних крестьянах, приписных к заводам [Там же. Л. 88].

В июне 1726 г. в обер-бергамте заслушивали указ Берг-коллегии от 17 февраля о выдаче канцелярским служителям до сочинения счетов половинного жалованья. Уральское начальство распорядилось держать их при этом «в канцелярии за караулом безвыходно», «а колико куды потребно для переписки оных щетов и репортов, отпускать из школьников письмоумеющих», поскольку «письмоумеющие» люди ведомства Сибирского обер-бергамта «определены все в комплект... и еще в комплект потребно многое число людей». Школьников, обученных письму, «отпускать... з запискою на урочные дни», платить им за каждую переписанную тетрадь по 2 коп. с сохранением школьного хлебного жалованья (полтора пуда ржаной муки в месяц) [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 132 об. – 133, 173; Д. 195. Л. 173; Оп. 1. Д. 88. Л. 274].

Содержание канцелярских служащих под арестом в случае подготовки важных документов к определенному сроку практиковалось на горнозаводском Урале, как и в центральных учреждениях России, постоянно. Начальник заводов В. И. Геннин в январе 1730 г. поручил своему адъютанту Мировичу контроль за составлением заводских счетов: им было предписано командиров к этому «понуждать», а подьячих держать «скованных и за вины штрафовать». Их приковывали к столам, на обед и в нужник выводили по команде строем [Корепанов, с. 166].

В. И. Геннин, судя по изданным им указам и решениям, вынесенным в обер-бергамте, большое внимание уделял соблюдению дисциплины со стороны как мастеровых, так и подьячих. Об этом ярко свидетельствует «определение», вынесенное им и Р. Горчаковым 17 октября 1726 г. Приведем его текст полностью.

Понеже усмотрено, что подьячие Сибирского обер-бергамта и прочих кантор – Земской, Заводской, Казенной, Припасной, Лесной, Платных и плавильных дел и у щетов – отправляют [дела] леностно и приходят поздно, а выходят рано, того ради всегда во обер-бергамте и по всем канторам смотреть над подьячими прапорщику Алберхту и по реестру перекликать при входе и выходе их, чтоб они в работные дни всегда приходили и выходили в указные часы и дела, на них положенные, отправляли б с прилежностию и не пьянствовали. И ежели при пересмотре явится

кто пьян, то таких в то ж время старых и средних ковать, а молодых бить батожем, чтоб другие от пьянства себя могли удерживать, а которые в не указные часы будут приходить и выходить, о тех ему, прапорщику, подавать ведомости в Казенную кантору, по которым оной канторе вычитать из их жалования по указом. А приходить оным подьячим всегда к своим делам по полуночи [в] четыре часа, выходить обедать по пробитии двенатцати часов, после обеда приходить по пробитии дву[х] часов по полудни, а выходить по пробитии осьми часов [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 361–362].

Это решение – достоверное свидетельство несоблюдения установленных часов работы со стороны канцелярских служащих (приходят позже, уходят раньше); подтверждение того, что нормы рабочего времени, введенные для мастеровых и подьячих казенных заводов наказом заводскому комиссару 1723 г., продолжали действовать, правда, с некоторыми корректировками – осенью рабочий день должен был составлять 12 часов, а он оставался, как и летом, 14 часов, то есть нормы рабочего времени подьячих и мастеровых были увеличены. Сохранение летнего рабочего расписания в октябре месяце подтверждает и другое решение, принятое в этот же день, 17 октября 1726 г., в связи с жалобами на появление в Екатеринбурге ночных воров, совершавших кражи во дворах жителей. Начальство предписало опубликовать указ о том, чтобы «никто ночью по улицам без фонарей и в неуказные часы не ходили и в кабаке не сидели», а кто шел «по государеву делу» в четыре часа утра на работу, после восьми вечера с работы «идти с фонарем». А если кто в неуказные часы «без правильной нужды или бес фонарей по улицам ходить или в кабаке для питья сидеть будут, таких брать под караул и жестоко штрафовать». Контролировать ночное хождение по городу поручалось также прапорщику шведу В. Албергу [Там же. Л. 359–359 об.].

Жили подьячие близ заводов, чтобы по первому зову явиться в канторы хоть за полночь, в Екатеринбурге – внутри крепости. В январе 1725 г. Геннин приказал:

...Чтоб предбудущею весною в Екатеринбурхе в крепосте дворы все, которые не против чертежа строены, розломать и впредь строить не велеть, а велено строить, кто пожелает, по чертежу и давать места по рассмотрению. Тако ж и за городом чтоб отнюдь жилья не было, понеже в таких местах бывают всегда курвяжные дома и шинки [Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 169–169 об.].

Но уже в августе 1726 г. в обер-бергамте рассматривали доношение канцеляриста Феокиста Кузнецова и подьячего Евдокима Костромина «о отводе им под двор, пруд и огород за городом, подле речки Черемшанки, земли» и предписание «об отводе им земли, ежели надлежит, учинить земской Екатеринбургской канторе, как

о том указы повелевают», а в обер-бергамт рапортовать, «что учинят» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 260]. В октябре 1726 г. Геннин и Р. Горчаков определили: если кто из крестьян приписных слобод пожелает жить в Екатеринбурге, то строиться им велеть за городом вниз по берегу Исети «по печатному, присланному чертежу из государственной Берг-коллегии, и для того как дворам и жилью быть по оному чертежу, размерять и поставить знаки, и смотреть, чтоб из линии и ис того чертежа никто не выступил», а у ранее поселившихся за городом дома снести. Место под дворы показывать и отводить по рисунку, строить «под смотрением» берг-гешворена Гордеева [Там же. Л. 359 об. –360].

Подьячие «приватизировали» казенные квартиры. Так, подьячий обер-бергамта Никита Седачев в 1726 г. просил «об отдаче ему в цену квартиры», и начальство разрешило продать ее за 20 руб. 49 $\frac{1}{4}$ коп., вычтя из этой суммы $\frac{1}{10}$ часть, ссылаясь на наказ заводскому комиссару 1723 г. (гл. 3, п. 7), поскольку с момента строительства пошел уже третий год – полагалось «отдавать по оценке тому, кто больше даст» [см.: Татищев, с. 74]. Деньги у подьячего предписывалось вычитать при выдаче жалованья по половине суммы, а другую половину оставлять на пропитание, «понеже жалование получает он невысокое» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 260 об.]. И в других случаях суммы за жилье вычитались постепенно, что позволяло подьячим выкупать его в собственность, продавать при перемене места работы, приобретать по новому месту жительства.

Дома подьячих располагались в Екатеринбурге в особой подьяческой линии строений, свои линии домов были у администрации, мастеровых, солдат. Поскольку приказные могли приобретать квартиры в собственность или строить свои дома, большинство мастеровых и подьячих к 1730-м гг. уже имело собственное жилье. Так, согласно «Описанию Уральских и Сибирских заводов» В. И. Геннина, в 1734 г. при Екатеринбургском заводе для мастеровых и подьячих имелось 88 казенных изб, а находившихся в собственности у них – 350, при Уктусском заводе для мастеровых и подьячих казенных дворов числилось 17, собственных же –126 [Геннин, 1937, с. 37, 76]. Подьячие на своих дворах разводили скот, устраивали огороды, им выделялись сенокосные угодья, что являлось немаловажным подспорьем к их жалованью.

Некоторые подьячие имели своих слуг из числа нерусских людей, например, вогуличей. Известны случаи, когда отцы отдавали детей в услужение подьячим на определенный срок за плату. Само начальство раздавало крестьян. Подьячий Екатеринбургской земской конторы Сергей Мизинов просил обер-бергамт в 1726 г. выдать паспорт посылающемуся от него человеку для поиска «крепостной его женки» Катерины с мужем на заводе Демидова [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 205 об.]. О широко распространившейся практике раздачи людей в услужение членам заводской администрации и подьячим свидетельствует и следующее распоряжение Геннина 1734 г.:

Взятых из крестьян мужеска и женска полу, которые розданы управителям и приказным служителям, отобрать всех, и быть им по-прежнему во крестьянстве, для того что на меня, генерал-лейтенанта, наносится покрание, якобы я оных отдал в слуги [Корепанов, с. 259].

Таким образом, В. Н. Татищевым в наказах заводскому комиссару 1721 и 1723 гг. были установлены нормы, регламентировавшие служебную деятельность и поведение подьячих горного ведомства. Отличительной чертой корпуса подьячих, обслуживавших казенные заводы Урала в 1720-е гг., являлся постоянный приток опытных подьячих из центра, канцелярий Сибирской губернии, провинций и уездов по требованию начальника заводов В. И. Геннина. Шла упорная борьба за них с гражданскими властями. Места копиистов постепенно стали заполняться выпускниками арифметических школ Горного ведомства, но оплата их труда, как правило, была в два раза ниже полагавшейся. Из-за острой нехватки подьячих в условиях все возрастающего объема документооборота, изменения требований к форме и содержанию отправлявшихся в центр документов, тенденции к увеличению разного рода отчетностей перед Берг-коллегией подьячие трудились в экстремальных условиях. Подьячие трудились по 14 часов в день, но им постоянно задерживали выплату жалованья из-за не составления в срок документов, порой содержали под арестом в конторах. С другой стороны, казенные квартиры и дома подьячих подлежали размещению на постой чужих людей в последнюю очередь после мастеровых, и подьячие вплоть до 1734 г., как и члены администрации, имели право на домашних слуг.

Список литературы

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26, 52, 67; Оп. 12. Д. 12, 13, 88, 193, 194, 195, 196, 203, 205, 215; Ф. 38. Оп. 1. Д. 4.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М. : История заводов, 1937. 656, [8] с.

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / авт. вступ. ст. и коммент. М. О. Акишин. Екатеринбург : Банк культур. информации, 1995. 467 с.

Киселев М. А. Дом, который построил Гобов: к истории повседневности жителей горнозаводского Урала 1720-х гг. // Десятые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–22 ноября 2013 г. / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2013. С. 87–91.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Пензин Э. А. Протоколы Сибирского обербергамта (1723–1734 гг.) как исторический источник // Историография и источниковедение. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1976. С. 126–139.

Пензин Э. А. Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение : сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 104–121.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 6; 42, ч. 1.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.

Сафронова А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20–30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2015. Вып. 15. С. 32–56.

Сафронова А. М. Источники формирования корпуса подьячих учреждений Горнозаводского ведомства (1720–1730-е гг.) // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-архив. форума, посв. 50-летию ист.-архив. специальности в Урал. ун-те. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 355–361.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750. М. : Наука, 1990. 440 с.

References

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 26, 52, 67; List 12. Dos. 12, 13, 88, 193, 194, 195, 196, 203, 205, 215; Stock 38. List 1. Dos. 4.

Henning, W. I. (1937). *Opisanie Ural'skikh i Sibirskikh zavodov* [A Description of Ural and Siberian Plants]. Moscow, Istoriya zavodov. 656, [8] p.

Henning, W. I. (1995). *Ural'skaya perepiska s Petrom I i Ekaterinoi I* [Ural Letters to Peter I and Catherine I] / comment. by M. O. Akishin. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 467 p.

Kiselev, M. A. (2013). Dom, kotoryi postroil Gobov: k istorii povsednevnosti zhitel'ei gornozavodskogo Urala 1720-kh gg. [The House that Gobov Built: On the History of Everyday Life of the Residents of the Mining Urals in the 1720s]. In Kornilov, G. E. (Ed.). *Desyatye Tatishchevskie chteniya. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 21–22 noyabrya 2013 g.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta, pp. 87–91.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale* [Henning in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Penzin, E. A. (1986). Sibirskii oberbergamt – organ upravleniya gornozavodskoi promyshlennost'yu Urala v pervoi polovine XVIII v. [The Siberian Oberbergamt as the Governing Body of the Mining Industry of the Urals in the First Half of the 18th Century]. In *Problemy genezisa i razvitiya kapitalizma na Urale: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie. Sbornik nauchnykh trudov.* Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 104–121.

Penzin, E. A. (1976). Protokoly Sibirskogo oberbergamta (1723–1734 gg.) kak istoricheskii istochnik [Protocols of the Siberian Oberbergamt (1723–1734) as a Historical Source]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie.* Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 126–139.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 6; 42, Part 1.

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uezdy Sibirskoi gubernii v 1711–1727 gg.)* [The Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Epoch of Peter the Great's Reforms (Western Districts of the Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg, Volot. 608 p.

Safronova, A. M. (2015). Rol' gornozavodskikh shkol v organizatsii deloproizvodstva pri kazennykh zavodakh Urala v 20–30-e gody XVIII v. [The Role of Mining Schools in the Organisation of Record Keeping at the State Factories of the Urals in the 1720s–1730s]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 15, pp. 32–56.

Safronova, A. M. (2020). Istochniki formirovaniya korpusa pod'yachikh uchrezhdenii gornozavodskogo vedomstva (1720–1730-e gg.) [Sources of Formation of the Corps of Clerks in Mining Administration Institutions (1720s–1730s)]. In *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka. Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoi spetsial'nosti v Ural'skom universitete.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 355–361.

Tatishchev, V. N. (1990). *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow, Nauka. 440 p.

The article was submitted on 28.02.2022